

Обсуждение

Поиск

Карта

Библиотека
Дома Сварога

[Главная](#) ► [Книги и статьи](#) ► [Первоисточники](#) ► [«Слово о Полку Игореве»](#)

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Прозаический перевод на современный русский язык Лихачева

Не начать ли нам, братья, по-стародавнему скорбную повесть о походе Игоревом, Игоря Святославича! Или да начнется песнь ему по былям нашего времени - не по замыслению Боянову! Ведь **Боян** вещий когда песнь кому сложить хотел, то белкою скакал по дереву, серым волком по земле, сизым орлом кружил под облаками. Поминал он давних времен рати - тогда пускал десять соколов на стаю лебедей; какую догонял сокол, та первая песнь пела старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал **Редедю** пред полками касожскими, красному Роману Святославичу. Боян же, братья, не десять соколов на стаю лебедей пускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал; они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря что отвагою закалил себя, заострил сердца своего мужеством и, исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда посмотрел Игорь на светлое солнце и увидел, что **тьма от него все войско покрыла**. И сказал Игорь дружине своей: "Братья и дружина! Лучше в битве пасть, чем в полон сдаться. А сядем, братья, на своих борзых коней, поглядим на синий Дон!" Запала князю дума Дона великого отведать и знамение небесное ему заслонила. "Хочу, - сказал, - копье преломить у степи половецкой с вами, русичи! Хочу голову свою сложить либо испить шеломом из Дону".

О Боян, соловей старого времени! Вот когда бы ты, соловей, эти полки щекотом своим воспел, мыслию скача по дереву, умом летая под облаками, свивая славу давнего и нынешнего времени, волком рыща по **тропе Трояновой** через поля на горы! Так бы тогда пелась слава Игорю, Олегову внуку: "Не буря соколов занесла через поля широкие, галок стаи летят к Дону великому". Или так зачалась бы она, вещий Боян, **внук Велесов**: "Кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в **Путивле**"

Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему **Буй-Тур Всеволод**: "Один брат, один свет светлый ты, Игорь! Оба мы Святославичи. Седлай, брат, своих борзых коней, - мои давно у Курска стоят наготове. А мои куряне - дружина бывалая: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути ими исхожены, овраги ведомы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наострены; сами скачут, как серые волки в поле, себе ища чести, а князю славы".

Тогда вступил Игорь князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце мраком путь ему загородило; тьма, грозу суля, громом птиц пробудила; свист звериный поднялся; **Див** забился, на вершине дерева кличет - велит послушать земле неизвестной. Волге, и Поморью, и **Сурожу**, и **Корсуню**, и тебе, **тмутараканский болван!** А половцы дорогами непроторенными побежали к Дону великому; скрипят телеги их в полночи, словно лебеди кричат распуганные.

Игорь к Дону воинов ведет. Уже беду его стерегут птицы по дубам; волки грозу накликают по оврагам; орлы клетком на кости зверей сзывают; лисицы брешут на червленые щиты. О Русская земля, а ты уже скрылась за холмом!

Долго ночь меркнет. Но вот заря свет запалила, туман поля покрыл; уснул щекот соловьиный, говор галок пробудился. Русичи широкие поля **червлеными** щитами перегородили, себе ища чести, а князю славы.

Утром в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девок половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. Покрывалами, и плащами, и кожухами стали мосты мостить по болотам и топким местам - и всяким узорочьем половецким. Червлёный стяг, белая хоругвь, червлёный бунчук, серебряное древко - храброму Святославичу!

Дремлет в степи Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно рождено на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчанин! **Гзак** бежит серым волком, **Кончак** ему след прокладывает к Дону великому.

На другой день рано утром кровавые зори рассвет возвещают; черные тучи с моря идут, **хотят прикрыть четыре солнца**, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дону великого! Тут копьям поломаться, тут саблям постучать о шлемы половецкие, на реке на **Каяле** у Дона великого. О Русская земля, а ты уже за холмом!

Вот ветры, Стрибожьи внуки веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут; пыль степь заносит; стяги весть подают - половцы идут от Дона и от моря; со всех сторон они русские полки обступили. Дети бесовы кликом степь перегородили, а храбрые русичи преградили степь червлеными щитами.

Яр-Тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, мечешь стрелы на поганых, стучишь о шлемы мечами **харалужными**. Куда, Тур, поскачешь, своим золотым шоломом посвечивая, там лежат поганые головы половецкие. Порублены саблями калеными шлемы аварские тобою, Яр-Тур Всеволод! Что тому раны, братья, кто забыл и жизнь, и почести, и город Чернигов, **отчий золотой стол**, и милой своей **прекрасной Глебовны** свечаи и обычай!

Были века Трояновы, прошли лета Ярославовы; были **походы Олеговы**, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял; ступит в золотое стремя в городе Тмутаракани - звон тот слышит старый великий Ярослав, а сын Всеволода Владимир каждое утро уши себе закладывает в Чернигове. Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела и

на ковыль-траве покров смертный зеленый постлала за обиду Олегову - храброго и юного князя. С той же Каялы Святополк **прилепел отца своего между угорскими иноходцами** ко святой Софии к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче заседалась и росла усобицами, погибала отчина **Даждьбожьего внука** в крамолах княжих век человечесий сокращался. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы себе деля, а галки свою речь говорили, лететь собираясь на поживу. То было в те рати и в те походы, а такой рати не слыхано.

С утра раннего до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, стучат сабли о шеломы, трещат копыя харалужные в степи незнаемой, посреди земли Половецкой. Черная земля под копытами костью была засеяна, а кровью полита; горем взошли они по Русской земле.

Что мне шумит, что звенит на рассвете рано перед зорями? **Игорь полки поворачивает**: жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой; на третий день к полудню пали стяги Игоревы. **Тут разлучились братья** на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не достало; тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, деревья в горе к земле склонились.

Уже, братья, невеселое время настало, уже степь силу русскую одолела. **Обида** встала в войсках Даждьбожьего внука, вступила девою на землю Троянову, взмахнула лебедиными крылами на синем море у Дона: прогнала времена счастливые. Война князей против поганых пришла к концу, ибо сказал брат брату: "Это мое, и то мое же". И стали князья про малое "это великое" говорить, а сами на себя крамолу ковать. А поганые со всех сторон приходят с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, к морю! А Игорева храброго полку уже не воскресить! По нем кликнула **Карна**, и **Желя** проскакала по Русской земле, огонь сея из пламенного рога. Жены русские восплакались, говоря: "Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслить, ни думою сдумать, ни очами приворожить, а золота и серебра и в руках не подержать!"

И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль многая рекою протекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу куют, а поганые с победами набегают на Русскую землю, дань беря по белке от двора.

Ведь те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, зло пробудили, которое усыпил было грозою **отец их** Святослав грозный великий киевский: прибил своими сильными полками и харалужными мечами, наступил на землю Половецкую; притоптал холмы и овраги; замутил реки и озера, иссушил потоки и болота: а поганого Кобяка из Лукоморья от железных великих полков половецких, как вихрь, вырвал, - и пал Кобяк в городе Киеве, в **гриднице** Святославовой. Тут **немцы и венециане, тут греки и моравы** поют славу Святославу, корят князя Игоря, что добычу утопил на дне Каялы, реки половецкой, золото свое рассыпал. Тут Игорь князь пересел с седла золотого, а в седло невольничье. Приуныли у городов стены, а веселье поникло.

А Святослав **темный сон** видел в Киеве на горах "Ночью этой с вечера накрывали меня, - сказал, - покровом черным на кровати тисовой; черпали мне синее вино, с горечью смешанное; сыпали мне из пустых колчанов половецких крупный жемчуг на грудь и величали меня. И доски уже без князька в моем тереме златоверхом, и всю ночь с вечера серые вороны у Плеснеска на лугу граяли".

И сказали бояре князю: "Кручина, князь, разум твой полонила: ведь два сокола слетели с отчего стола золотого - добыть хотели города Тмутараканя либо испить шеломом из Дону. Но уже соколам крылья подсекли поганых саблями, а самих опутали путами железными.

Темно было в третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли, и с ними оба молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись, и в море утонули, и великую дерзость подали поганым. На реке на Каяле тьма свет покрыла: по Русской земле разбрелись половцы, как пардусов выводок, и великое ликование пробудили в **хиновах**. Уже насела хула на хвалу; уже перемогло насилие волю; уже кинулся Див на землю. Вот **готские красные девы** запели на берегу синего моря, звеня русским золотом; поют они **время Бусово**, лелеют **мечь за Шарукана**. А мы, дружина, уже живем без веселья".

Тогда великий Святослав изронил **золотое слово**, со слезами смешанное, и сказал: "О **племянники мои**, Игорь и Всеволод! Рано начали вы Половецкую землю мечами кровавить, а себе славы искать: без чести для себя ведь вы одолели, без чести для себя кровь поганую пролили. Храбрые сердца ваши из харалуга крепкого скованы, в отваге закалены. Что же сотворили вы моей серебряной седине!

Уже не вижу я силы могучего и богатого и воинами обильного **брата моего** Ярослава с черниговскими былями, с могутами и с татранами, с шельбирами, топчаками, реугами и ольберами: те ведь без щитов, с одними ножами засапожными, кликом полки побеждают, звеня прадедовской славой.

Вы сказали: "Помужаемся сами, и прошлую славу себе возьмем, и нынешнюю поделим!" Но не диво, братья, и старому помолодеть! Когда сокол перья роняет, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Одна беда: князья мне не в помощь - худая пора настала. **Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир - под ранами. Горе и тоска сыну Глебову!**

Великий князь Всеволод! Разве и мысли нет у тебя прилететь издалёка отчий золотой стол посторожить? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать. Здесь был бы ты, невольница была бы **по ногате, а раб по резане**. Ты ведь можешь и посуху живыми копьями метать - удалыми **сынами Глебовыми**.

Ты, храбрый **Рюрик, и ты, Давыд!** Ваши воины в золоченых шлемах - не они ли по крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рык издает, словно туры, раненные саблями калеными, в поле незнаемом! Вступите, князья, в золотое стремя за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! **Высоко сидишь ты** на своем златокованом столе, подпираешь **горы угорские** своими железными полками, королю загораживаешь путь, затворяешь Дунаю ворота, клади бросая через облака, суды рядя до Дуная. Грозы твоей земли страшатся; Киеву отворяешь ворота, за дальними странами в салтанов стреляешь с отчего золотого стола. Стреляй же, господине, и в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

А ты, славный **Роман**, и ты, **Мстислав**! Храбрая дума на подвиг вас зовет. Высоко взлетаешь ты на подвиг ратный в отваге, словно сокол, на ветрах парящий, что птицу в ярости хочет одолеть. У вас железные кольчуги под шлемами латинскими: от них дрогнула земля, и многие страны - Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела и Половцы - сулицы свои побросали и головы свои склонили под те мечи харалужные. Но уже, князь, потемнел для Игоря солнца свет, а деревья не к добру листья обронили - по Руси и Суле города поделили. А Игорева храброго полку уже не воскресить. Дон тебя, князь, кличет, зовет князей на победу. Олеговичи, храбрые князья, уже ведь приспели на брань.

Ингварь и Всеволод и вы, **три Мстиславича** не худого гнезда соколы-шестокрыльцы! Не по жребию побед вы себе волости расхватали! Где же ваши золотые шелома, и сулицы лядские, и щиты! Загородите степи ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Уже ведь Сула не течет серебряными струями для города Переяславля, и Двина у тех грозных полочан мутно течет под кликом поганых. Один **Изяслав**, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, побил славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве побит был мечами литовскими и так сказал: "Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, звери кровь полизали". И не было тут брата **Брячислава**, ни другого - **Всеволода**. Одинокó изронил он жемчужную душу из храброго тела сквозь золотое ожерелье. Приуныли голоса, веселье поникло, трубы трубят Городенские.

Ярослав и все внуки Всеславовы! Уже склоните стяги свои, вложите в ножны мечи свои зазубренные - уже выпали вы из дедовской славы. Вы своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеславово. Из-за усобицы ведь стало насилие от земли Половецкой.

На седьмом веке Трояновом бросил Всеслав жребий о **девице**, ему любой. Изловчился, сел на коня, поскакал к городу Киеву, коснулся копьём золотого стола Киевского. Из Белгорода в полночь поскакал лютым зверем, завесившись синей мглой, утром отворил ворота Новугороду, расшиб славу Ярославову, поскакал волком от **Дудуток до Немиги**. На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами харалужными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были засеяны - засеяны костями русских сынов. Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал; из Киева до петухов, великому Хорсу волком путь перебегая, в Тмутаракань добирался. Ему в Полоцке звонили заутреню рано у святой Софии в колокола, а он звон тот в Киеве слышал. Хоть и вещая душа была в отважном теле, но часто он беды терпел. Ему вещий Боян такую припевку, мудрый, сложил: "Ни хитрому, ни умному, ни ведуну разумному суда божьего не

миновать".

О, стонать Русской земле, поминая прежнее время и прежних князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским. Стали стяги его ныне Рюриковы, а другие Давыдовы, но **врозь они веют**, несогласно копья поют.

На Дунае **Ярославны** голос слышится чайкою неведомой утром рано стонет: "Полечу я чайкою по Дунаю, омочу рукав я белый во Каяле-реке, утра князю кровавые раны на могучем его теле".

Ярославна утром плачет в Путивле на стене, причитая: "О ветер, ветрило! Зачем, господине, так сильно веешь! Зачем мчишь вражьи стрелы на своих легких крыльях на воинов моей лады? Или мало тебе высоко под облаками веять, лелея корабли на синем море! Зачем, господине, мое веселье по ковылю развеял?"

Ярославна рано утром плачет на стене Путивля-города, причитая: "О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы челны до полку Кобякова. Прилелей же, господине, мою ладу ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано!"

Ярославна рано плачет на стене в Путивле, причитая: "Светлое и тресветлое солнце! Всем ты красно и тепло. Зачем, господине, простерло ты горячие лучи свои на воинов лады? В степи безводной жаждою согнуло им луки, тоскою замкнуло колчаны?"

Вспенилось море в полночи; смерчи идут туманами. Игорю князю бог путь кажет из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему столу золотому. Погасли вечером зори. Игорь бдит, Игорь не спит, Игорь мыслию степь мерит от великого Дону до малого Донца. В полночь **Овлур** свистнул коня за рекою; Велит князю не дремать. Кликнул; стукнула земля, зашумела трава, ежи половецкие задвигались. А Игорь князь поскакал горностаем к камышу, пал белым гоголем на воду. Кинулся на борзого коня и соскочил с него серым волком. И побежал к лугу Донца, и полетел соколом под туманами, избивая гусей и лебедей к обеду, и полднику, и ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, труся собою студеную росу; надорвали они своих борзых коней.

Донец сказал: "Князь Игорь! Не мало тебе славы, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!" Игорь сказал: "О Донец! Не мало тебе славы, что лелеял князя на волнах, стлал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева, стерег его гоголем на воде, чайками на волнах, утками на ветрах". Не такова ты, **река Стugna**; мелкую струю имея, поглотила чужие ручьи и потоки, потопила в омуте у темного берега юношу князя Ростислава. Плачет мать Ростислава по юном князе Ростиславе. Приуныли цветы от жалости, и деревья в горе к земле склонились.

То не сороки застрекотали - по следу Игореву едут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, ползали змеиполозы только. Дятлы стуком путь к реке кажут, соловьи веселыми песнями рассвет вещают. Молвит Гзак Кончаку: "Коли сокол к гнезду летит, соколенка

расстреляем своими золочеными стрелами". Сказал Кончак Гзе: "Коли сокол к гнезду летит, а мы соколенка **опутаем красною девицею**". И сказал Гзак Кончаку: "Коли опутаем его красною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, а начнут нас птицы бить в степи Половецкой".

Сказал Боян, песнотворец старого времени, Ярославова и Олегова: "Тяжко голове без плеч, беда и телу без головы". Так и Русской земле без Игоря. Солнце светит на небе - Игорь князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае, выются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву **ко святой богородице Пирогощей**. Страны рады, города веселы.

Воспев славу старым князьям, а потом молодых величать будем. Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Да здравы будут князья и дружина, поборая за христиан против поганых полков. Князьям слава и дружине! Аминь.

Материал с сайта

ОТ РУСИ ДРЕВНЕЙ ДО ИМПЕРИИ РОССИЙСКОЙ

